

Наталья СУРЖИКОВА
(Екатеринбург, Россия)

**Локальное и надлокальное
в периферийной советской
прессе в 1946 г.
(на материалах Среднего Урала)¹**

До сих пор бытует мнение, что как исторический источник советская пресса, управляемая и единообразная, скучна и скудна на откровения, способные обогатить знание и углубить понимание прошлого. Безусловно, в использовании базовых советских лозунгов в прессе – будь то пресса центральная, региональная, местная или заводская – разночтений не наблюдалось. Условная, точнее синтетическая монолитность советской прессы обуславливалась дифференцированным, иерархическим подходом к организации информационного пространства. Всесоюзные, региональные или локальные издания решали общие задачи, но решали по-своему – каждое на своем уровне и своими средствами, и уровни эти, равно как и средства, различались примерно в той же степени, в которой различались столица и периферия, город и деревня. Вместе с тем сама по себе лишь относительная стройность информационных потоков неизбежно подвергалась эрозии снизу, поскольку дистанция между проекцией сверху и проекцией снизу неотъемяема – даже посредством жёсткой цензуры. А потому, несмотря на то, что в условиях государственной монополии на информацию и средства массовой информации советская печать меняла свое лицо, экспонируя процесс смены одной конъюнктурной безупречности другой конъюнктурной безупречностью как никакой другой источник, отменить характерные для различных пространственно-временных континуумов свойства и их проявления она не могла. Поэтому вопрос о соотношении

---

¹ Настоящий текст написан в рамках подготовки статьи «Война и мир в советской прессе 1946 г.» для французского издания «Cahiers du Monde russe».

в периферийной периодике макро- и микроконтекстов, на мой взгляд, является вопросом, вполне заслуживающим внимания.

Почвой для сомнений в бесцветном, «дистиллированном» характере региональной и местной периодической печати стали материалы нескольких газет 1946 г., и здесь, наверное, уместнее всего объяснить, почему именно 1946 г. Можно было бы сказать, что как первый послевоенный или как первый мирный год 1946 г. представляет интерес сам по себе, но едва ли этого достаточно. 1946 г. – год, когда советская пресса не только прирастала новыми названиями, полосами и тиражами. Вслед за А.В. Фатеевым отмечу такую нетипичную для советских газет 1946 г. черту, как отсутствие ярко выраженного образа внешнего и внутреннего врага [1]. «Зависшая» таким образом между прошлым и будущим пресса потому практически весь год и «прессовалась» властью², что вместо беспримерной сплоченности народа-победителя она безо всякого умысла то тут, то там обнаруживала в советском обществе признаки ослабления его внутреннего социально-политического единства. Допускаю, что номинирование совокупности обозначенных в *табл. 1* источников как прессы советской слишком амбициозно и где-то неоправданно. Но как историк провинциальный, точнее уральский, от своих уральских предпочтений отказаться не могу хотя бы потому, что других изданий в местных хранилищах просто нет. К чему здесь «Уральский рабочий», главная газета Свердловской области, территориально совпадающей с границами Среднего Урала, полагаю, объяснять не нужно. Что касается «Тагильского рабочего», то он оказался в центре моего внимания, будучи главной газетой второго после Свердловска города области, – города, без которого Средний Урал помыслить невозможно. «Асбестовский рабочий», являя собой типичную городскую газету

---

² Обструкции в то время подверглись не только журналы «Звезда» и «Ленинград», но и многие другие издания: журналы «Новый мир», «Крокодил», «Звезда», «Огонек», газеты «Известия», «Советское искусство», «Труд», «Советская Киргизия», «Алтайская правда», «Тихоокеанская звезда», «Молот» (Ростов-на-Дону), «Волжская коммуна» (Куйбышев), «Курская правда», «Призыв» (Владимир), «Ульяновская правда». 2 августа 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О мероприятиях по улучшению газеты “Правда”», которая, очевидно, также не всем устраивала Кремль. Среди использованных мною газет в число «неправильных» попали «Новая жизнь» и «Тагильский рабочий» (см.: Уральский рабочий. 1946. 9 июля, 23 июля, 16 окт.).

типичного моногорода, оказался в числе избранных именно благодаря своей заурядности. «Новая жизнь», единственное среди представленных издание районного масштаба – другие сохранились значительно хуже – одновременно представляет собой ещё и единственную среди используемых газету, освещающую будни уральского села. Из числа заводских многотиражек логичнее всего, наверное, было бы выбрать газету «За тяжелое машиностроение», печатный орган известного уральского гиганта – «Уралмашзавода». Но соображения известности я предпочла соображения «среднестатистичности», в которые издание «Уралмаша», близкое по своим объему и периодичности к «Тагильскому рабочему», никак не вписывается, а вот газеты «За уральский алюминий» и «Сталинская стройка» – вполне. Последняя любопытна ещё и с точки зрения её сравнения с «Тагильским рабочим», которое я планирую осуществить в перспективе.

Таблица 1

Основные характеристики
и статистика использованных источников

Название и статус издания	Количество номеров, за месяц												
	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Асбестовский рабочий. Орган Асбестовского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся (г. Асбест)	18	14	3	5	8	4	5	4	4	5	5	2	77
За уральский алюминий. Орган парткома, завкома и управления Уральского ордена Ленина алюминиевого завода (г. Каменск-Уральский)	7	7	9	8	6	7	8	7	8	8	8	8	91

Новая жизнь. Орган Петрокаменского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся (Петрокаменский район Свердловской области)	8	9	6	4	14	8	8	6	9	4	7	4	87
Сталинская стройка. Орган парткома, постройкома и управления треста Тагилстрой (г. Нижний Тагил)	—	—	—	—	—	—	7	9	8	9	8	6	47
Тагильский рабочий. Орган горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся (г. Нижний Тагил)	11	12	6	14	5	9	6	6	12	15	6	1	103
Уральский рабочий. Орган Свердловского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся (г. Свердловск)	24	23	27	20	23	24	25	26	27	27	24	25	295
ИТОГО	68	65	51	51	56	52	59	58	68	68	58	46	700

Перечисленные выше издания значительно различались своей периодичностью, тиражностью, объемом и форматом, что было обусловлено прежде всего уровнем их локальности. В её основе лежал территориально-хозяйственный принцип, ориентирующий на восприятие завода, города, района или региона как живого организма с комплексом присущих ему – в меру его сложности – процессов жизнедеятельности. При этом наличие собственного издания было для того или иного локального сообщества атрибутивно важным,

легитимируя его перед лицом иных сообществ и играя роль своеобразного интегратора.

Исходя из названия и стартовой гипотезы исследования, логично предположить, что в стратегии анализа источников главное место должны занять выявление и разграничение сюжетов надлокального и локального свойства, но такой подход, как мне кажется, ущербен своей очевидной механистичностью. Его главным изъяном является то, что целый ряд небезынтересных нюансов окажется утраченным, ведь подразумеваемая под локальной историей не столько историю «места», сколько историю в «месте», понимаемом в свою очередь как «совокупность людей, осуществляющих определенную историческую деятельность» [2, с.161], констатировать, что в низовой печати сообщалось и о событиях всесоюзного масштаба, скажем, принятии нового пятилетнего плана, и о фактах местного значения, например, открытии драматического театра в Нижнем Тагиле, явно недостаточно, дабы определить, какое место локальное и надлокальное занимало в периферийной прессе и как они уживались между собой. Строго рамочному подходу я бы в данном случае противопоставила более гибкий подход, который предполагает изучение ретроспективных источников как средоточия локального в надлокальном и одновременно – надлокального в локальном.

Действительно, будучи лишь частью чего-то значительно большего, завод, город, район или регион так или иначе, но вписывался в систему горизонтальных и вертикальных связей, интегративно значимых для советского общества. Особенности процесса «вписывания» и степень «вписанности» разновеликих локальностей в целостность пресса 1946 г. отражала, в частности, через практически сквозную для всех уральских изданий тематику войны и возвращения к мирному труду. Задача «якоренения» в массовом сознании нормативной версии войны, почерпнутой местными газетами во всесоюзной «Правде», на уровне периферийном решалась параллельно с другой задачей – задачей определения тем или иным локальным сообществом своей роли в войне и победе. Для уральского региона, не знавшего ни кровопролитных сражений, ни масштабных разрушений, поиски своей ниши в истории войны вылились в педалирование идеи о том, что прошедшая война прежде всего была «войной моторов». «Технизация» войны как тенденция, характерная для уральской прессы, может, конечно, объясняться коллективным очарованием техникой, но, полагаю, что лишь отчасти. Значение пушек, танков, самолетов и кораблей в войне уральские газеты

подчеркивали по другой причине. Публикации местных изданий не только прославляли победы советского оружия, в них Уральский регион, 94 % предприятий которого к 1943 г. работало на нужды обороны, позиционировался не иначе, как основной военный арсенал Красной армии, а уральцы – как его непосредственные создатели [3–9].

«[...] Если повидать тебе охота
Улицу уральских пушкарей,
Ты пройди дорогою похода,
Не сбиваясь, мимо батарей.
Высота ли встретится, долина,
Верный след повсюду ты найдешь,
Если не устанешь, до Берлина
Ты по нашей улице пройдешь.
Мы стоим за теми же станками,
Где рассвет нас памятный застал,
Но теперь под нашими руками
Не суровый – ласковый металл.
Ты не удивляйся, что смогли мы,
Стольких пушек выточив стволы,
Хрупкий винтик трогать без нажима,
Малых гаек чувствовать углы.

Но прикажут – не заметишь даже:
Поведём, где следует, рукой,
И деталь, как будто бы все та же,
Повернётся – станет не такой.
Эта бровка что-нибудь да значит,
Луч по ней быстрее заскользит,
И деталь блестит уже иначе:
Больше не ласкает, а грозит.
Так в бою блестят стволы орудий...
Ты не удивляйся, – посмотри:
С виду невоинственные люди,
Ни за что ни скажешь – пушкари.
Простодушие в обличье не строгом,
Но такое, что запомнит враг:
Сколько лет по фронтовым дорогам
Слава шла об этих мастерах [...]], –

цитировал «Уральский рабочий» в день советской артиллерии, 24 ноября 1946 г., поэта-уральца К. Мурзиди, творение которого фиксировало контуры особой миссии локального сообщества в событиях войны [10]. Несколько раньше, в сентябре 1946 г., жители Свердловска и области отметили, как и вся страна, день танкистов, к которому особенно тщательно готовились на «Уралмаше» и «Уралвагонзаводе», где в годы войны разрабатывались и производились лучшие образцы советской бронетанковой техники. Открытие в Свердловске и Нижнем Тагиле памятников танкистам и танкостроителям, запечатлевших «замечательнейшие» образцы военной техники, стало кульминацией праздника [11, 12].

«Снарядами, танками,
Тоннами стали
Уральцы священную
Клятву держали»,

– эти слова, выведенные на установленном на «Уралмашзаводе» самоходном орудии [11], стали своеобразным памятником не только

трудовому подвигу тыла, но и тому идентификационному коду, который и по сей день остается актуальным для субэтнуса уральцев.

Другим проявлением соседства локального и надлокального стали публикации уральских изданий, ориентированные на освещение темы залечивания нанесенных войной ран. На уровне периферии освещение процесса восстановления народного хозяйства страны стало в основном делом «Уральского рабочего» [13–17], городские газеты Асбеста и Тагила писали об этом значительно реже, как правило, механически копируя информацию более статусных изданий³, а петрокаменская «Новая жизнь», заводские «За уральский алюминий» и «Сталинская стройка» не писали и вовсе.

Особое место Урала в войне обусловило то обстоятельство, что в региональном преломлении (в «Уральском рабочем») тема восстановления обрела звучание еще и как тема помощи пострадавшим районам [18]:

«В 1946 году с предприятий нашей области отправлено различных материалов и оборудования для портов на 10 миллионов рублей. На два с половиной миллиона рублей отгружено только одного баббита с Верх-Нейвинского завод, 34 вагона катаных труб послано из Первоуральска, 14 вагонов чугуна – с Ново-Тагильского и Старо-Уткинского заводов. Кировград отгружает победит, Тавда – фанеру, Ревда – электросварочную проволоку... Идут уральские трансформаторы, ферросилиций, механическое оборудование и много другого материала».

Приводя все эти факты и что ещё важнее цифры, областная газета не просто подчеркивала встроенность Урала в экономические процессы союзного масштаба. Едва ли ошибусь, сказав, что одновременно добивался эффект закрепления за Уральским регионом его нового исключительного статуса – статуса опорной базы поствоенного восстановления. То, что публикаций о вкладе Урала в дело «реанимации» западных районов страны пресса 1946 г. насчитывала совсем не много [19–22], этому никак не мешало; более того, миссия края, способного как по волшебству оживлять «мёртвые» заводы и фабрики, города и сёла, проговаривалась даже в тех материалах печати, которые по су-

---

³ Сравни, *напр.*: Восстановление города Ленина // Уральский рабочий. 1946. 18 янв. и Восстановление города Ленина// Асбестовский рабочий. 1946. 21 янв.

шеству вопроса ничего не сообщали, довольствуясь общими фразами [23]: «Районы, освобожденные от немецких захватчиков, уже ощущают живительную силу Урала в возрождении своего хозяйства».

К теме восстановления в газетах 1946 г. логически примыкала тема демилитаризации производства [24–26]. Любопытно, что пока областной «Уральский рабочий» распространялся на предмет грандиозных задач и не менее грандиозных успехов перевода уральской индустрии на мирные рельсы, газеты городского и заводского уровня писали о серьёзных проблемах, которые при этом возникли. 25 июля 1946 г., констатировала газета «Сталинская стройка», состоялось общее партийное собрание коммунистов «Тагилстрой», на котором было признано, что военная обстановка негативно повлияла на стиль руководства предприятием, отучив привыкших за военные годы к «чрезвычайщине» и нещадной эксплуатации рабочих «командиров» треста и его подразделений думать об оптимизации и рационализации производства [27].

«Асбестовский рабочий» освещал ту же проблему через опыт другого локального сообщества [28]:

«В течение всей войны учащиеся токарных групп ремесленного училища № 12 выполняли ответственный специальный заказ. Все силы они отдавали на помощь фронту. Но, работая на одной операции, они не приобретали универсальных навыков, необходимых токарям 5 разряда. После окончания Великой Отечественной войны условия обучения изменились. Сейчас училище будет выпускать токарей не ниже 5 разряда. С этой целью развернулась большая работа по повышению квалификации мастеров и преподавателей. Для того чтобы справиться с поставленными задачами, необходимо также хорошо оборудовать токарную мастерскую. Станки нашей мастерской требуют капитального ремонта, а большинство – полной замены их. Нам необходима в этом помощь треста Союзасбест».

В картине возвращения страны к мирному труду этот частный факт мог иметь свои аналоги, как и многие другие, на первый взгляд, сугубо локальные проблемы, к примеру, проблема работы городских бань, ставшая постоянной головной болью жителей города Асбеста [29, 30]:

«В нашем городе всего 2 общественные бани (на Октябрьском и Ильинском участках). Чтобы обслужить жителей нашего города,

они должны работать четко, бесперебойно, но... «Городская баня работает хорошо только летом, когда не нужно горячей воды или пара, – пишет нам тов. Доризо. – А зимой баня день работает, да три стоит». Подобных писем редакция получила много. Тт. Фильшин и Тропин пишут, что они в неделю по 3–4 раза ходят в ту или иную баню, не теряя надежды помыться, но бани не работают: то нет дров, то воды. Тов. Шишкин сообщает, что в баню он не мог попасть в течение 35 дней. Авторы многих писем сообщают, что, после долгих хождений попав в баню, они не могли вымыться. В зале холодно. Часто не бывает горячей воды, пара, не работают краны[...]» [29].

Однако, пролистав другие локальные издания, воспринимать «банный вопрос» как исключительно локальный становится сложно [31–34]. Из числа рассматриваемых газет его обошла стороной только «Новая жизнь», что позволяет назвать такую житейскую мелочь, как «помывка», проблемой, актуальной на разных уровнях локальности, исключая село, где баня являлась и по сей день является обязательным приложением к дому/избе и надворным постройкам.

Для горожан и заводчан, как показывают источники, быт вообще стал источником целого комплекса проблем, среди которых превалировала жилищная. Общеизвестно, что общежитие, барак и коммуналка были обязательными для аморфно-коллективного жизненного обихода в Стране Советов явлениями, «украшая» и столицу региона Свердловск, и второй город области Нижний Тагил, и рядовые Асбест и Каменск-Уральский. Многие люди просто не знали другого жилья, и, как свидетельствуют многочисленные мольбы трудящихся о ремонте своих трущоб, даже не мечтали о нем [35–43].

«В доменном цехе завода им. Куйбышева не проявляют заботу о культурно-бытовом обслуживании работающих. В общежитии, где проживает до 50 молодых рабочих, был радиорепродуктор, хотя и плохой, но сейчас и его нет. Особенно плохо с бытовым обслуживанием. Кипятильника нет, воду кипятят в бачке, на плите. На все общежитие имеются две кружки и ни одной кастрюли, в которой можно бы приготовить пищу. С топливом всегда перебои [...]» [44].

Столовые, где рабочие в условиях нормированного распределения продуктов получали питание по талонам, также являли собой безрадостную и диковатую картину [45–52]:

«В рабочей столовой № 2 обедают преимущественно электролизники. Ежедневно они теряют по часу и более лишнего времени в ожидании обеда. Обслуживание посетителей самое безобразное. Прежде чем рабочий приступит к обеду, он должен простоять в нескольких очередях—в кассу, за хлебом, за ложкой, за табуретом, за столиком. Ложек недостаточно, табуретов не всем хватает, и часто обедающие кушают стоя. Посуды также мало, чай приносят в мелких тарелках. [...] Ложки передаются от одного к другому немытыми, их только слегка обтирают грязной тряпкой. За каждую ложку берется залог в сумме 5 рублей, и если у вас нет таких денег, вы рискуете кушать без ложки [...]» [53].

Подаваемые прессой как локальные подобного рода проблемы модифицировали надлокальное, провозглашенное нормой, но оставшееся ею только на бумаге [54–61]. В неустроенной повседневной жизни уральцев, подробности которой просачивались на страницы местных газет через жалобы и фельетоны, «нормальные отклонения» [62] локального влияли на надлокальное, равное для подцензурной прессы официально санкционированному дискурсу, таким образом, что оно – надлокальное – неизбежно подвергалось форматированию. Своеобразная «гласность» была платой власти за контроль и управляемость в риторике гражданской жизни, в экономических и социальных отношениях, – причем платой необременительной. Мир, контуры которого просвечивали сквозь перекроенные на суконный лад письма в редакцию, был реальностью для миллионов, которых эта реальность если не объединяла, то выравнивала, что в свете базовых для советской системы коллективистских и коммунистических ценностей было уже неплохо. Поэтому уютный мир советского быта в той мере, в которой он принимался локальной прессой, был миром вполне легитимным, – миром, составляющим особую локальность, балансирующую на стыке, если можно так выразиться, нормативного надлокального и локального неформального. Отсюда следует важное замечание: любая советская газета сама по себе являла искусственно созданную локальность, – пространство, сориентированное как на отражение жизнедеятельности реально существующих сообществ, так и на симуляцию таких сообществ, точнее сказать, на симуляцию прозрачности советского общества в целом, равно как и упорядоченности протекающих в нём процессов.

Однако при всей искусственности газетной локальности она не перестаёт быть важным источником по истории взаимосвязей части

и целого, центра и сколь угодно малых периферических общностей. Надо понимать, что в каждом отдельном случае искусственная газетная локальность имела свои пределы, которые могли различаться в зависимости от статуса того или иного издания, благодаря чему их изначально солидарная позиция в освещении одних и тех же вопросов неожиданно давала трещину. Так, раздобыв пачку советских газет и не найдя в них прямого указания на продовольственный кризис и последовавший за ним голод, разглядеть в казалось бы сугубо локальных событиях контуры печальной реальности, конечно, сложно, но всё-таки не невозможно. Плюсуя один за другим приведенные в разноразмерных уральских газетах факты как локального, так и надлокального свойства я получила таким нехитрым способом следующую картину. Несмотря на то, что к весне 1946 г. проблема продовольствия проявилась со всей очевидностью, пресса продолжала писать о подготовке к отмене карточной системы и открытии на местах всё новых и новых торговых точек [63–69]. К середине сентября 1946 г. в области открылось 85 чайных, ассортимент которых предусматривал не менее четырех холодных закусок, по два вида супа и вторых (мясных и рыбных) блюд, трех мучных изделий, не считая хлеба, а также, конфеты, горячительные напитки, табак и спички, сообщал «Уральский рабочий» 20 сентября 1946 г. [70]. Однако работа предприятий коммерческой торговли, как явствует из материалов прессы, радовала население далеко не всегда [71–75]. Витрины чайных и хлебных магазинов часто оказывались пусты, что неудивительно: уже в апреле 1946 г. торговые организации не получили нужного количества муки и круп, мощности многих мельниц за отсутствием сырья использовались только на 80 %, а производившего крупы завода в Ирбите – наполовину [76]. Но виной тому, согласно «Уральскому рабочему», был отнюдь не дефицит продовольствия в стране, а плохая работа транспорта, снабжения и, естественно, торговли [77–79]. Ни о каком продуктовом кризисе, а уж тем более голоде речи не шло и идти не могло, хотя факт засухи в ряде областей страны и сокращения государственных запасов продовольствия уральские издания все-таки обнародовали [80–82].

Вместе с тем ретроспективные источники зафиксировали, что борьба за урожай, развернувшаяся во второй половине 1946 г., по своему характеру и организации напоминала настоящую войну, ожесточенную и беспощадную. Ещё до новости о переносе отмены карточной системы в СССР с 1946 на 1947 г. в региональной, районной и городской

прессе появилось принятое в соответствии с постановлением Совмина СССР от 31 июля 1946 г. № 1703 обязательное к исполнению решение Свердловского облисполкома о запрещении торговли мукой, зерном и печёным хлебом до выполнения государственного плана хлебозаготовок [83, 84].

Столь же обязательным руководством к действию стал и брошенный в начале сентября колхозниками Красноуфимского района Свердловской области и повторенный чуть позже алтайцами клич о досрочном выполнении плана хлебозаготовок. Для ускорения уборки, по сообщению газеты «Новая жизнь», была проведена мобилизация всего трудоспособного населения Петрокаменского района, включая школьников, а дезертирство с полей каралось штрафом или принудительными работами [85]. В целях же максимизации хлебозаготовок было развёрнуто движение за сдачу хлеба государству из собственных запасов колхозников. Патриотический почин «знатных» трактористов области тов. П. Аплаева и Д. Ларионовой поддержали тракторная бригада А.Р. Паньшина из колхоза «Красный путь» и механизаторы Южаковской машинно-тракторной станции Петрокаменского района, продавшие государству 220 пудов, или более 3,5 тонны зерна [86–88]. Но начинание это большого отклика не получило, поскольку лишнего хлеба в уральской деревне не было, его, скорее, не хватало.

Призрак голода маячил за целым рядом газетных публикаций, посвященных уборочной кампании. Колхозы не просто не спешили сдавать хлеб в закрома родины, но расходовали собранный урожай на внутриколхозные нужды, даже не пытаясь скрыть «беззаконие» от всевидящего советского «правосудия» [89–91]. Так, колхозники хозяйства «Пионер» Талицкого района, вопреки букве закона, после просушки зерна размалывали его на ручных мельницах, «украив» таким образом у государства к 20 августа 1946 г. пять центнеров ржи [92].

Хлеб, как и в войну, оставался самым ходовым товаром, и его хищение или «разбазаривание» стало одним из самых «популярных» преступлений второй половины 1946 г. Более 100 килограмм зерна, сообщил «Уральский рабочий», было украдено и зарыто в землю недалеко от тока артели им. М. Горького Камышловского района, а при транспортировке зерна из колхоза «Отпор» Верхне-Синячихинского района возчики «уворовали» почти три центнера хлеба [93–94]. В то же время в городах края массовый и всё более изощренный характер приобрели махинации с хлебными карточками [95]:

«... Бывший начальник карточного бюро завода коммунист Кирпиков преступно относился к выдаче карточек, нарушал постановление правительства и Министерства торговли, в результате чего только за 9 месяцев этого года было незаконно израсходовано свыше 32 тонн хлеба, 12 тонн муки и крупы, большое количество мяса, жиров и других продуктов. [...] На Ново-Тагильском заводе обнаружено 117 случаев незаконной выдачи карточек. Особенно много нарушений при выдаче талонов на хлеб и дополнительное питание. Отдельные руководители учреждений и предприятий встали на путь обмана государства. Так, например, директор хлебозавода № 2 Сапиро незаконно раздал 1841 кг хлеба. [...] Обманывали государство и работники 2-й Советской больницы (главный врач Нейбург). На 24 вполне здоровых работника больницы они завели историю болезни и зачислили их на так называемый «стационар на дому». Эти люди на правах больных получали бесплатное питание. [...] Работники центрального клуба Уралвагонзавода (директор клуба т. Чудновский) получали карточки по вымышленным должностям. Например, администратор значился дворовым рабочим, секретарь-машинистка – уборщицей, художественный руководитель – столяром и т.д. Проверка показала засоренность аппарата карточных бюро. Нередко выдачей карточек ведали недобросовестные люди и просто жулики. Так, уполномоченная по выдаче карточек во 2-й Советской больнице Суханова жульническим путем забирала у больных хлебные талоны, которые продавала на рынке. Таким путем она разворовала 300 кг хлеба [...].»

Криминализация сознания людей, вне всякого сомнения, была связана с войной и послевоенной разрухой, имея характер надлокальной тенденции. Но при этом мир преступный (или близкий к преступному) презентован в прессе 1946 г., помимо «околохлебных», столькими явлениями, что они вполне позволяют квалифицировать его как некую параллельную всем прочим мирам реальность, вмещающую в себя грабеж и разбой, растраты и так называемое самоснабжение, спекуляцию и нарушение паспортного режима, «дезертирство» с предприятий и подпольные аборты [96–104]. В фокусе локального комплекс этих явлений распадался на детали, с трудом поддающиеся вписыванию в жизнь институтированных тем или иным изданием локальных сообществ, почему знакомая всем изучаемым источникам криминальная тема загонялась в так называемые газетные «подвалы», где «уживались»

и откровенно уголовные элементы и дельцы, чьё жизненное кредо чуть позже выльется в знаменитое «государство паразитирует на нас, мы – на государстве» [105, 106]:

«[...] Преступниками Галициным, Ефремовым и Колесниковым в Тагиле было совершено за время январь–март два убийства, 9 грабежей и краж, похищено продуктов питания, промышленных товаров и денег на общую сумму более полумиллиона рублей (по рыночным ценам). Соучастницей бандитов была Мария Агинских, дезертировавшая в феврале с коксохимического завода. Зная о преступной деятельности, она всячески содействовала скрытию следов преступления. Николай Данилов и Сергей Саломатов, проживая в Тагиле, принимали и хранили награбленные вещи и продукты питания. Также способствовали преступлениям Николая Ефремова и его родители – Ефросинья и Андрей Ефремовы [...]»;

«[...] Пользуясь отсутствием учета выпуска [дефицитных – *Н.С.*] швейных иглолок с завода, группа, в которую входили разные люди, – начиная от главного инженера и директора до начальника гаража, организовано расхищала иглолки. Таким образом, почти за год были украдены сотни тысяч иглолок, чем нанесен ущерб государству свыше, чем на 2228 тысяч рублей. Главный инженер Б. Самсонов, уезжая в Москву, взял с собой без оформления документов 55 тысяч иглолок, 20 тысяч из них сдал на склад Главметалла, часть раздал «нужным людям», а остальное было реализовано на рынке. Самсонов договорился [...] о последующих операциях с иглолками и вернулся в Арти, везя крупный денежный куш, отрез шерсти и прочие блага. С согласия директора К. Васильева далее наладилась систематическая транспортировка иглолок в Москву [...]».

Формы криминала образца 1946 г. демонстрировали не только специфику эпохи, но и подвижность тех социально-экономических институтов, которые создавались как неподвижные. Предпримчивые люди приспособливали их под себя, предвосхищая формирование в недрах советского общества новых интересов и новых групп влияния, а значит, ставя под сомнение конвенциональность того набора локальностей, которые были предложены свыше. Тем самым пресса 1946 г. обнаруживала, вопреки властному императиву, что локальные сообщества, смоделированные по каким-то иным принципам, нежели принцип самоорганизации, не отличались устойчивостью. И в первую

очередь это относилось к самой прессе как локальности условной или договорной, в пространстве которой частное и общее, локальное и надлокальное являло собой не просто многослойный пирог, испеченный в соответствии с некоей рецептурой. Я бы сказала, что это был пирог из слоеного теста, сложная текстура которого исключала строго ранжированные отношения локального и надлокального. Локальное и надлокальное в этом случае не просто не знали строгой демаркации; их примиряла сама жизнь, стабильно влияя – даже при поправках на известные «странности» советского строя – на селекцию тематики газет. Поэтому вопреки явному перебору с «пропиткой» и «кремом» в виде идеологически выверенных клише периферийная пресса успешно сохраняла иллюзию диалогичной коммуникации между властью и обществом, как и иллюзию автономности его микроструктур, что позволяет аттестовать региональную, местную и заводскую печать как гораздо более сложный источник, нежели принято считать. Будучи одновременно «локусом» локального и надлокального и балансируя между ними, она в силу своей отличной от пафосной общенациональной прессы⁴ морфологии обладает каким-то необъяснимым обаянием и терпеливо ждёт, когда её по достоинству оценят профессиональные историки.

Источники и литература

1. *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. – М., 1999.
2. *Гамаюнов С.А.* Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 161.
3. Промышленность Урала, рожденная Октябрем // Уральский рабочий. – 1946. – 1 февр.
4. Контурь новой пятилетки // Уральский рабочий. – 1946. – 30 марта.
5. Великая морская держава // Уральский рабочий. – 1946. – 28 июля.
6. Сердце корабля // Уральский рабочий. – 1946. – 28 июля.
7. Тагил в Великой Отечественной войне // Тагильский рабочий. – 1946. – 11 мая.
8. Уральские танки // Тагильский рабочий. – 1946. – 8 сент.
9. Жемчужина советской отчизны // Новая жизнь. – 1946. – 11 янв.

---

⁴ О специфике общесоюзной прессы см.: *Brooks J.* Thank You, comrade Stalin! Soviet public culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2001.

10. *Мурзиди К.* Улица Пушкарей // Уральский рабочий. – 1946. – 24 нояб.
11. В честь героического труда // Уральский рабочий. – 1946. – 8 сент.
12. Памятник танкистам // Тагильский рабочий. – 1946. – 11 сент.
13. Возрождение советской Молдавии // Уральский рабочий. – 1946. – 4 янв.
14. Орел возрождается // Уральский рабочий. – 1946. – 24 янв.
15. Цифры и факты о восстановлении Курской области // Уральский рабочий. – 1946. – 22 февр.
16. Реконструкция Кишинева // Уральский рабочий. – 1946. – 15 сент.
17. Киев сегодня // Уральский рабочий. – 1946. – 6 нояб.
18. Урал – Родине // Уральский рабочий. – 1946. – 5 нояб.
19. *Емельянов Л.* Уральские архитекторы – Смоленску // Уральский рабочий. – 1946. – 27 февр.
20. Свердловчане – подшефному Краснодарскому краю // Уральский рабочий. – 1946. – 2 марта.
21. В города, пострадавшие от оккупации // Уральский рабочий. – 1946. – 31 мая.
22. На восстановление городов // Уральский рабочий. – 1946. – 5 нояб.
23. Жемчужина советской отчизны // Новая жизнь. – 1946. – 11 янв.
24. *Николаенко Т.* Будни Уралвагонзавода // Уральский рабочий. – 1946. – 15 марта.
25. Нужды первенцев уральской металлургии // Уральский рабочий. – 1946. – 26 марта.
26. *Самойлов С.* Послевоенная перестройка производства на Уралмашзаводе // Уральский рабочий. – 1946. – 30 окт.
27. Перестраивать работу в соответствии с требованиями мирного времени // Сталинская стройка. – 1946. – 30 июля.
28. *Тенигин В.* Нам нужна помощь // Асбестовский рабочий. – 1946. – 17 февр.
29. Еще раз о банях // Асбестовский рабочий. – 1946. – 3 февр.
30. Снова о бане // Асбестовский рабочий. – 1946. – 8 янв.
31. О Красногорской бане // За уральский алюминий. – 1946. – 3 апр.
32. *Ваганов И.* Ни клуба, ни бани // Тагильский рабочий. – 1946. – 3 апр.
33. Баня не работает // Уральский рабочий. – 1946. – 26 февр.

34. *Патраков П.* Как работают ирбитские бани // Уральский рабочий. – 1946. – 27 июля.
35. Больше внимания жильцам // За уральский алюминий. – 1946. – 4 янв.
36. *Славина М.* Забытый барак // За уральский алюминий. – 1946. – 29 янв.
37. *Кульжанов Н.* Отремонтировать барак // Сталинская стройка. – 1946. – 2 окт.
38. Непорядки в общежитии // Сталинская стройка. – 1946. – 23 окт.
39. *Комилов И., Зацепин А.* Не успели построить, а уже надо ремонтировать // Тагильский рабочий. – 1946. – 20 июля.
40. К зиме не готовятся // Тагильский рабочий. – 1946. – 10 сент.
41. Навести порядок в общежитиях // Асбестовский рабочий. – 1946. – 11 апр.
42. Новый хозяин – старые порядки // Уральский рабочий. – 1946. – 16 мая.
43. Дом ждет срочного ремонта // Уральский рабочий. – 1946. – 3 дек.
44. *Желтышев В.* Жалоба доменщиков // Тагильский рабочий. – 1946. – 11 июля.
45. Лучше обслуживать трудящихся // Асбестовский рабочий. – 1946. – 6 янв.
46. Навести порядок в столовой // За уральский алюминий. – 1946. – 6 апр.
47. Неуютная столовая // Асбестовский рабочий. – 1946. – 4 янв.
48. *Войнов В.* Столовая плохо обслуживает посетителей // Тагильский рабочий. – 1946. – 11 янв.
49. *Иванов С.* Навести порядок в столовой // Тагильский рабочий. – 1946. – 9 июня.
50. *Дружинин С.* Книги жалоб нет // Тагильский рабочий. – 1946. – 3 авг.
51. *Гроздов И.* Навести порядок в столовой // Уральский рабочий. – 1946. – 20 сент.
52. Что показала проверка работы столовой // Уральский рабочий. – 1946. – 11 нояб.
53. *Свинцова О.* О рабочей столовой № 2 // За уральский алюминий. – 1946. – 21 сент.
54. 50 коммерческих чайных // Асбестовский рабочий. – 1946. – 4 янв.
55. Коммерческая чайная // Новая жизнь. – 1946. – 19 июня.

56. Три новых магазина // Тагильский рабочий. – 1946. – 28 мая.
57. Производство елочных украшений // Тагильский рабочий. – 1946. – 29 окт.
58. Новые сорта конфет // Уральский рабочий. – 1946. – 31 янв.
59. Свердловские пекари расширяют ассортимент изделий // Уральский рабочий. – 1946. – 13 февр.
60. Ткани к весенне-летнему сезону // Уральский рабочий. – 1946. – 21 февр.
61. Производство мягкой мебели // Уральский рабочий. – 1946. – 22 марта.
62. **Medick H. Weben und Überleben in Laichingen 1650–1900. Lokalgeschichte als Alltagsgeschichte.** Goettingen, 1996. – S. 24.
63. Открываются чайные // Уральский рабочий. – 1946. – 17 янв.
64. Чайная закусочная // Уральский рабочий. – 1946. – 21 февр.
65. Расширяется торговая сеть // Уральский рабочий. – 1946. – 1 июня.
66. Коммерческая торговля хлебом // Уральский рабочий. – 1946. – 5 июля.
67. Открыто кафе при ресторане «Ялта» // Уральский рабочий. – 1946. – 15 сент.
68. Открыт продовольственный магазин // Уральский рабочий. – 1946. – 30 нояб.
69. Открыто кафе «Урал» // Уральский рабочий. – 1946. – 19, 24 дек.
70. *Завьялов П.В.* В коммерческих чайных // Уральский рабочий. – 1946. – 20 сент.
71. *Никольский Н.* Когда же Тагилторг научится культурно торговать? // Тагильский рабочий. – 1946. – 20 апр.
72. Для кого открыт магазин в Артемовске // Уральский рабочий. – 1946. – 26 июля.
73. В арамилской чайной // Уральский рабочий. – 1946. – 13 сент.
74. Культурно обслуживать посетителей буфетов, ресторанов и чайных (по письмам трудящихся) // Уральский рабочий. – 1946. – 22 дек.
75. *Никифоров И.* В чайной нет чая // Уральский рабочий. – 1946. – 25 дек.
76. По-большевистски готовиться к торговле без карточек // Уральский рабочий. – 1946. – 14 апр.
77. *Баных (?)* Улучшить перевозку хлеба // Уральский рабочий. – 1946. – 22 мая.
78. Упорядочить торговлю хлебом: Обзор писем в редакцию // Уральский рабочий. – 1946. – 22 нояб.

79. *Вилисов П.* Упорядочить продвижение хлебных грузов // Уральский рабочий. – 1946. – 25 дек.
80. В Президиуме Верховного Совета СССР // Уральский рабочий. – 1946. – 29 сент.
81. В Президиуме Верховного Совета СССР // Тагильский рабочий. – 1946. – 30 сент.
82. В Президиуме Верховного Совета СССР // Асбестовский рабочий. – 1946. – 5 сент.
83. Обязательное решение Исполнительного комитета Свердловского областного Совета депутатов трудящихся «О запрещении торговли хлебом до выполнения плана заготовок хлеба» № 1730 от 6 августа 1946 г. // Уральский рабочий. – 1946. – 8 авг.
84. Обязательное решение Исполнительного комитета Свердловского областного Совета депутатов трудящихся «О запрещении торговли хлебом до выполнения плана заготовок хлеба» № 1730 от 6 августа 1946 г. // Тагильский рабочий. – 1946. – 10 авг.
85. *Булатова А.* О привлечении всего трудоспособного населения на уборочные работы: Из административной комиссии // Новая жизнь. – 1946. – 9 окт.
86. Трактористы продают государству хлеб из своих запасов // Уральский рабочий. – 1946. – 15 нояб.
87. Патриотический почин // Новая жизнь. – 1946. – 29 нояб.
88. Из личных запасов // Новая жизнь. – 1946. – 5 дек.
89. В исполкоме райсовета // Новая жизнь. – 1946. – 3 сент.
90. *Тарасов А.* В райпрокуратуре // Новая жизнь. – 1946. – 20 окт.
91. О разбазаривании хлеба из урожая 1946 года в колхозе имени Коминтерна, Туринского района // Уральский рабочий. 1946. 16 авг.
92. *Уральский П.* Антигосударственная практика Серебренникова // Уральский рабочий. – 1946. – 30 авг.
93. *Яковлев А.* Расхитители хлеба // Уральский рабочий. – 1946. – 28 сент.
94. Расхитители хлеба // Уральский рабочий. – 1946. – 22 окт.
95. Нарушителей советских законов – к ответственности // Тагильский рабочий. – 1946. – 18 окт.
96. Привлечь к ответственности // Новая жизнь. – 1946. – 19 сент.
97. Жульнические махинации с радиоприемниками // Уральский рабочий. – 1946. – 20 марта.
98. Преступления начальника райжилуправления // Уральский рабочий. – 1946. – 22 марта
99. Нарушители паспортного закона // Уральский рабочий. – 1946. – 20 апр.

100. Спекуляция дрожжами // Уральский рабочий. – 1946. – 3 окт.
101. Незаконные поборы в колхозах // Уральский рабочий. – 1946. – 27 нояб.
102. Подпольный адвокат привлечен к ответственности // Уральский рабочий. – 1946. – 19 нояб.
103. Чужой орден // Уральский рабочий. – 1946. – 17 апр.
104. Подпольный аборт // Уральский рабочий. – 1946. – 14 апр.
105. Бандиты наказаны // Тагильский рабочий. – 1946. – 8 авг.
106. Иголки // Уральский рабочий. – 1946. – 28 марта.

Наталья Суржикова (Екатеринбург, Россия) Локальное и надлокальное в периферийной советской прессе в 1946 г. (на материалах Среднего Урала)

В статье на материалах Среднего Урала рассмотрена специфика периферийной советской прессы. Организованность в соответствии с диктовавшейся свыше логикой единообразия не отменяла в газетной периодике характерных для различных пространственно-временных континуумов рамок. На материалах нескольких газет (региональной, городских, районной и заводских) исследован вопрос о соотношении макро- и микроконтекстов в пределах заданного «медиа ландшафта». Указано об потенциале ретроспективных источников для изучения повседневной жизни локальных сообществ, позволяющих разнообразить представления о советском обществе в целом.

Ключевые слова: локальное, надлокальное, периферийная советская пресса, Средний Урал, газетная периодика

Наталія Суржикова (Єкатеринбург, Росія) Локальне і надлокальне в периферійній радянській пресі в 1946 р. (на матеріалах Середнього Уралу)

У статті на матеріалах Середнього Уралу розглянута специфіка периферійної радянської преси. Організованість відповідно до логіки одноманітності, що диктувалася зверху, не відміняла в газетній періодиці характерних для різного просторово-часового континууму рамок. На матеріалах декількох газет (регіональної, міських, районних і заводських) досліджено питання про співвідношення макро- і мікроконтекстів в межах заданого «медіа ландшафту». Вказано про потенціал ретроспективних джерел для вивчення повсякденного життя локальних співтовариств, які у перспективі дозволять урізноманітнити уявлення про радянське суспільство в цілому.

Ключові слова: локальне, надлокальне, периферійна радянська преса, Середній Урал, газетна періодика

Natalia Surzhikova (*Ekaterinburg, Russia*) **Local and above local in the peripheral soviet press in 1946 (on materials of Middle Ural)**

In the article on materials of Middle Ural the specificity of peripheral soviet press is considered. Good organization in accordance with the logic of uniformity dictated above, did not abolish characteristic for different spatio-temporal continuum frames in the newspaper periodicals. On materials of several newspapers (regional, city, district and factories) a question is explored about correlation macro- and microcontexts within the limits of set «mediaspace». The potential of retrospective sources for the study of everyday life of local associations is indicated and also to diversify the view on the soviet society on the whole.

Key words: local, abovelocal, peripheral soviet press, Middle Ural, newspaper periodicals